

УДК 811.112.2
UDC 811.112.2

Зубарева Екатерина Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina O. Zubareva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННОГО ДИСКУРСА **THE MODEL OF MIGRATION DISCOURSE**

Аннотация

В предлагаемой статье анализируется миграционный дискурс как главный объект изучения нового направления в языкознании – миграционной лингвистики. Актуальность изучения миграционного дискурса связана со стремительно растущими миграционными потоками. Миграция влияет на все сферы человеческой деятельности и является причиной обострения языковой конфликтности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер. Это приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии в социуме. Объектом исследования является модель миграционного дискурса, цель – представить миграционный дискурс как особый тип дискурса через его жанровую модель и его модули.

Abstract

The current article aims to analyze migration discourse as the main object for studies performed in the new direction in linguistics – migration linguistics. The relevance of migration discourse research is determined by rapidly growing migration flows. Migration affects all spheres of human activities and it is the cause of language conflict aggravation and increase of verbal aggression, which detrimental consequences cannot be managed only by political or legal measures. This leads to an increase in the level of intolerance, xenophobia and migrant-phobia in society. The results obtained during this study enabled to design the model of migration discourse with the goal to present it as a special type of discourse through its genre model and its modules.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, миграционный дискурс, жанровая модель, модули миграционного дискурса, социальная практика.

Keywords: migration linguistics, migration discourse, genre model, modules of migration discourse, social practice.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45

1. Введение

В связи с процессами глобализации темы миграции [Triandafyllidou, 2018; Абылкаликов, 2018] и социальной мобильности¹ [Барсегян, 2016; Lipset, 2018] становятся актуальными для многих гуманитарных наук. В области лингвистических исследований тема миграции и её влияние на язык также находит отражение и вызывает повышенный интерес, что привело к формированию нового направления – миграционной лингвистики [Erfurt, Budach, Hofmann, 2003; Krefeld, 2004; Stehl, 2011; Tretow, 2017; Gugenberger, 2018].

Стремительные темпы и масштабы миграции, вызванные политической и экономической нестабильностью в мире, природными и экологическими катаклизмами, вооружёнными столкновениями и другими причинами приводят к образованию большого количества этнокультурных анклавов² и увеличению международных и межнациональных контактов, что и обусловило становление миграционной лингвистики как самостоятельного направления, где особую значимость приобретает изучение динамических языковых процессов в аспекте влияния языка титульной нации на язык мигрантов и наоборот. «Увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы..., наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества» [Ашнин, 2012, с. 136; Лебедько, Дударёнок, 2013; Geraghty, Conacher, 2014]. Г. Г. Гамзатов, рассматривая актуальные проблемы особенностей изучения двуязычия, трёхязычия и многоязычия, подчёркивает, что «проблема языковой действительности и миграционных процессов нуждается во всестороннем комплексном и более глубоком изучении, осмыслении и обосновании» [Гамзатов, 2005, с. 3; Extra, Verhoeven, 2011].

Миграционная лингвистика как самостоятельное направление может описать динамические языковые процессы, вызванные миграционными потоками, причём как в принимающем обществе, так и в языковой среде мигрантов. Она способна выработать общие методы и методику анализа языковых трансформаций, а также помочь в вопросах регулирования национальной языковой безопасности, разработать концепции оптимальной языковой адаптации мигрантов и подготовить общество к принятию большого количества мигрантов, моделируя те или иные коммуникативные ситуации.

Динамические языковые процессы могут быть выражены в виде упрощения грамматического строя, расширения семантического потенциала языковых единиц, метафорического переосмысления, ошибок, переходящих в норму, появления новых лексических единиц. Миграция является

¹ Под социальной мобильностью в данной статье понимается любое перемещение в пространстве индивидуального или социального объекта [Сорокин, 2005, с. 17].

² Этнокультурный анклав – это урбанизированная территория с повышенной долей той или иной этнической, а также культурной или расовой группы в населении. В ряде случаев таким анклавом, районом города может быть и территория со специфическим названием доминирующей группой [Кельман, 2015, с. 26].

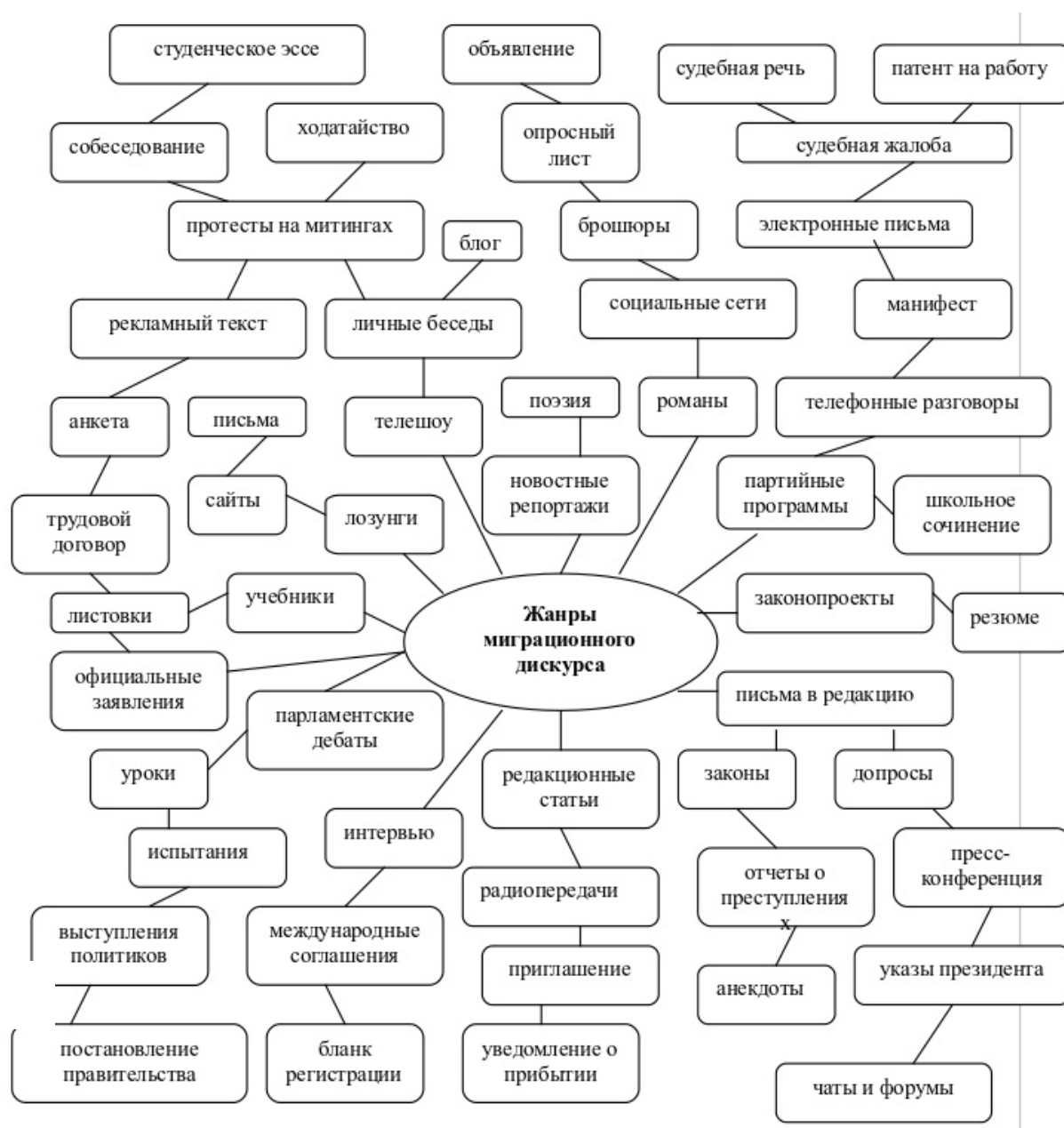
основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнокультурный анклав, который вносит новое и трансформирует титульный язык [Kerswill, 2006, p. 2277].

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс. Существуют несколько подходов к выделению определённого типа дискурса, например, объектный и субъектный. При объектном подходе основанием для выделения особого типа дискурса является тема, имеющая неоспоримую актуальность для общества; при субъектном подходе основанием для выделения типа дискурса являются его непосредственные участники [Карасик, 2015, с. 73]. Существует неограниченное множество типов дискурса, поскольку тип дискурса оформляется в зависимости от сфер человеческой деятельности или любого значимого для человека и общества фактора [Кибрик, 2003]. Обе концепции позволяют выделить миграционный дискурс как самостоятельный тип дискурса, учитывая возросший интерес к теме миграции, её влияние на все сферы деятельности общества и большое количество задействованных участников.

Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным к нему вниманием отечественных и зарубежных исследователей в последние десятилетия [Мукомель, 2005 ; Нестерова, Бурова, 2006 ; Хохлова, 2014 ; Яфарова, 2016 ; Dijk, 2018]. Миграционный дискурс находится на стыке с политическим дискурсом и обладает всеми присущими ему признаками и особенностями; внутри миграционного дискурса отдельно выделяются чиновничий дискурс и дискурс публичных политиков [Мукомель, 2005, с. 50–52]. Миграционный дискурс как часть политического дискурса изучается в аспекте метафорического анализа через его базовые концепты «угроза/опасность» и «Европа». Концепт «угроза/опасность» представлен в основном метафорами «Вода» и «Война», концепт «Европа» – метафорами в сфере «Дом» [Хохлова, 2004]. По результатам метафорического анализа миграционного дискурса Германии, Австрии, Англии и Америки на базе медийного дискурса выделяются четыре основные группы метафор, формирующие миграционный дискурс: военные, товарно-вещевые, театральные и метафоры, олицетворяющие природные катастрофы и стихийные бедствия [Нестерова, Бурова, 2006]. Немецкий миграционный дискурс содержит большое количество эвфемизмов, а проведённый анализ примеров высказываний немецких политиков свидетельствует о том, что эвфемизмы представляют собой эффективное языковое средство для реализации конкретных политических стратегий, чаще всего с целью маскировки, нейтрализации или смягчения явлений, которые могли бы вызвать негативную реакцию [Яфарова, 2016].

2. Жанровая модель миграционного дискурса и её модули

Отдельного внимания заслуживает модель миграционного дискурса, предложенная Т. ван Дейком. Исследователь определяет миграционный дискурс как сложную структуру, которая включает лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, и которая представлена разными жанрами [Dijk, 2018, p. 230]. Мы уточнили и расширили жанровую структуру миграционного дискурса и построили его жанровую модель, которая показана на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. Жанровая модель миграционного дискурса

Представленная модель включает не менее 50 жанров, охватывающих политику, системы высшего и среднего образования, юриспруденцию, трудовые отношения, литературу, масс-медиа, социальные сети, личную и деловую переписку и другие сферы, что свидетельствует о его всепроникающем характере.

Миграционный дискурс может содержать такие модули³ (или темы в терминологии Дейка), как причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика [Dijk, 2018, p. 230]. Данные модули можно описать как семантические макроструктуры, состоящие из макропозиций, включающих локальные значения дискурса [Dijk, 2018, p. 233]. Представленная система модулей (см. рис. 2) может быть расширена путём добавления дополнительных модулей, например таких, как социальные агенты, мигрантофобия, национальная языковая безопасность, языковая конфликтность, речевая агрессия, миграционный кризис, социальная мобильность, анклав, типы миграции, языковая, культурная, психологическая адаптация, законы о миграции, языковые трансформации.

Р и с у н о к 2. Модули миграционного дискурса

³ Модуль – это относительно самостоятельная часть какой-нибудь системы, организации [Ожегов, 2015].

Миграция является социальным и политическим феноменом, поэтому, в общем, мы понимаем миграционный дискурс как социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, «это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации, например, институциональное общение» [Карасик, 2016, с. 22]. В связи с таким пониманием, миграционный дискурс рассматривается как институциональный, то есть общение в рамках сложившихся в обществе институтов как взаимодействие, порождаемое самой деятельностью того или иного социального института [Dijk, 2008] или «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик, 2002, с. 292]. Институциональный дискурс представлен парами участников коммуникации. В роли главных агентов миграционного дискурса выступают мигранты и титульная нация. Агенты выполняют разные социальные роли, например, полицейских, педагогов, врачей, социальных работников, журналистов, политиков и так далее. Миграционный дискурс также рассматривается как идеологический конструкт, который выражает определённую позицию общества и формирует отношение к миграции и мигрантам.

Таким образом, актуальность изучения миграционного дискурса неоспорима, поскольку миграция затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную. Миграция является причиной обострения языковой конфликтогенности и речевой агрессии, неблагоприятные последствия которых невозможно урегулировать только с помощью политических или правовых мер, что приводит к повышению уровня интолерантности, ксенофобии и мигрантофобии; «язык, как и религия, неспособен привести сам себя к простому компромиссу» [Larocse, 1992, p. 599].

Статистические данные также подтверждают возрастающую роль миграции в современном мире, что, в свою очередь, означает увеличение языковых трансформаций как в принимающем обществе, так и в языке мигрантов, а также обострение проблем, связанных с восприятием и адаптацией мигрантов в новой стране. К 2018 численность международных мигрантов выросла на 49%, в два раза превысив показатель роста мирового населения, который составил 23%. В результате этого, количество мигрантов увеличилось с 2,8% до 3,4% от величины мирового населения. Вероятно, демографические тенденции в сочетании с экономическими, социальными, политическими, экологическими аспектами будут способствовать дальнейшему росту миграции [Мир в цифрах, 2019].

По данным центрального государственного информационного агентства ИТАР-ТАСС, в 2018 всего в мире насчитывалось 232 млн. мигрантов; представлены 10 стран, в которых зафиксирована наибольшая миграционная активность: США, Россия, Германия, Саудовская Аравия, Великобритания, Эмираты, Франция, Канада, Испания, Австралия [Центральное ...,

2018]. Этот факт также объясняет, что миграционная лингвистика развивается в первую очередь в Германии, США и России. По данным Федеральной службы государственной статистики, в Россию в 2017 прибыло 589033 мигрантов, в то время как в 2010 число мигрантов составляло всего лишь 191656 [Федеральная ..., 2018].

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что, во-первых, миграционный дискурс как объект миграционной лингвистики можно рассматривать в качестве особого типа дискурса, обладающего своей жанровой спецификой, особыми модулями, каждый из которых может выступать отдельным объектом для изучения, и имеющего своих многочисленных участников. Во-вторых, актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается повышенным интересом со стороны отечественных и зарубежных исследователей к процессу миграции и особенностям его отражения в языке в очень многих сферах коммуникации. Постоянный рост миграционных потоков подтверждается официальной статистикой, а отсутствие комплексного анализа модели миграционного дискурса обуславливает необходимость его тщательного изучения, сбора лингвистических данных, их систематизации и интерпретации.

Список литературы

1. Абылкаликов, С. И. Роль миграции в формировании населения регионов России в конце XIX – начале XXI вв. [Текст]: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.05 / Абылкаликов Салават Иргалиевич; «Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2018. – 233 с.
2. Ашнин, Е. С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии [Текст] / Е. С. Ашнин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых учёных. – 2012. – № 10. – С. 136–138.
3. Барсегян, В. М. Политическая активность молодежи как канал социальной мобильности в современном российском обществе [Текст]: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Барсегян Вардан Меружанович; «Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2016. – 176 с.
4. Гамзатов, Г. Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения [Текст] / Г. Г. Гамзатов. – М.: Букинист, 2005. – 100 с.
5. Информационно-статистический ресурс «Мир в цифрах» [Электронный ресурс]. – URL: <https://theworldonly.org/statistika-migratsii/> (дата обращения 09.01.2019).
6. Карасик, В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики [Текст] / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 17–34.
7. Карасик, В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Текст] / В. И. Карасик // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2015. – № 1 (96). – С. 73–79.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. Кельман, Ю. Ф. Особенности выявления этнокультурных анклавов и их типов в городах США / Ю. Ф. Кельман // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 15. – С. 25–29.
10. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст] / А. А. Кибрик. – М. : Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.
11. Лебедев, М. Г. Миграция как процесс межкультурной коммуникации: развитие взаимопонимания контактирующих культур [Текст] / М. Г. Лебедев, С. М. Дударёнок // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4. – С. 103–109.
12. Мукомель, В. И. Российские дискурсы о миграции [Текст] / В. И. Мукомель // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. – 2005. – № 1. – С. 48–57.
13. Нестерова, Я. А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки [Текст] / Я. А. Нестерова, Е. А. Бутова // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 6. – С. 565–570.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2015. – 944 с.
15. Сорокин, П. Социальная мобильность [Текст] / П. Сорокин. – Минск : Academia; LVS, 2005. – 588 с.
16. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL : <https://gks.ru> (дата обращения 15.12.2018).
17. Хохлова, И. В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период "Арабской весны") [Текст] / И. В. Хохлова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 185–188.
18. Центральное государственное информационное агентство России ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. – URL : <https://tass.ru/> (дата обращения 01.12.2018).
19. Яфарова, Г. Х. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) [Текст] / Я. Г. Яфарова // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2. – С. 368–375.
20. van Dijk, T. A. Discourse and migration [Text] / T. A. van Dijk // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. – Switzerland : Springer Cham, 2018. – P. 227–245.
21. Erfurt, J. Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation [Text] / J. Erfurt, G. Budach, S. Hofmann. – Switzerland : Peter Lang, 2003. – 259 p.
22. Extra, G. Bilingualism and Migration [Text] / G. Extra, L. Verhoeven. – Berlin : Walter de Gruyter, 2011. – 401 p.
23. Geraghty, B., Conacher, J. Intercultural Contact, Language Learning and Migration [Text] / B. Geraghty, J. Conacher. – London : Bloomsbury Publishing, 2014. – 224 p.
24. Gugenberger, E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien [Text] / E. Gugenberger. – Austria :

- Austria : Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. – 664 S.
25. Kerswill, P. Migration and language [Text] // Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society, 2nd edn. / Ed. by K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill. – Vol 3. – Berlin : De Gruyter, 2006. – P. 2271–2285.
 26. Krefeld, Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla [Text] / Th. Krefeld. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – 173 S.
 27. Laponce, J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics [Text] / J. Laponce. – London : Routledge, 1992. – P. 586–602.
 28. Lipset, S. Social Mobility in Industrial Society [Text] / S. Lipset. – London : Routledge, 2018. – 332 p.
 29. Stehl, T. Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik [Text] / T. Stehl. – Austria : Universitätsverlag Potsdam, 2011. – 294 S.
 30. Triandafyllidou, A. Handbook of migration and globalization [Text] / A. Triandafyllidou. – USA : Edward Elgar Publishing, 2018. – 487 p.
 31. Tretow, L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas [Text] / L. Tretow. – Munchen : GRIN Verlag, 2017. – 16 S.

References

1. Abylkalikov, S. I. (2018). *Rol' migratsii v formirovanii naseleniya regionov Rossii v kontse XIX – nachale XXI vv.* [The role of migration in forming Russian demographics in the 19th and early 20th centuries]. PhD in Social sci. diss. Moscow : National Research University «Higher School of Economics».
2. Ashnin, E. S. (2012). Sotsiolingvisticheskie aspekty mezhkul'turnoy kommunikatsii v Germanii [Social and linguistic aspects of intercultural communication in Germany]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9 : Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 10, 136–138.
3. Barsegyan, V. M. (2016). *Politicheskaya aktivnost' molodezhi kak kanal sotsial'noy mobil'nosti v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Youths political activity as a channel of social mobility in modern Russian society]. PhD in Political sci. diss. Moscow : National Research University «Higher School of Economics».
4. Gamzatov, G. G. (2005). *Lingvisticheskaya planeta Dagestan. Etnoyazykovoy aspekt osvoeniya* [The linguistic planet of Dagestan]. Moscow : Bukinist Press.
5. Informatsionno-statisticheskiy resurs «Mir v tsifrakh» (2019). [Informational-statistic resource «World in numbers»]. Retrieved January 9, 2019 from <<https://theworldonly.org/statistika-migratsii/>>.
6. Karasik, V. I. (2016). Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoy lingvistiki [The discourse studies as the direction of the communicative linguistics]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics] 1, 17–34.

7. Karasik, V. I. (2015). Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus [Discourse interpretation: Topic, format, mode]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], 1 (96), 73–79.
8. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language cycle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
9. Kel'man, Yu. F. (2015). Osobennosti vyyavleniya etnokul'turnykh anklavov i ikh tipov v gorodakh SShA [Ethnic enclaves and their types in the US cities]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike* [Priority scientific issues: From theory to practice], 15, 25–29.
10. Kibrik, A. A. (2003). *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [The cognitive perspective of discourse analysis]. Moscow : The Institute for Language Studies, Russian Academy of Sciences.
11. Lebed'ko, M. G., Dudarenok, S. M. (2013). Migratsiya kak protsess mezhkul'turnoy kommunikatsii: razvitie vzaimoponimaniya kontaktiruyushchikh kul'tur [Migration as a process of intercultural communication: Development of mutual understanding of contacting cultures]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 4, 103–109.
12. Moukomel, V. I. (2005). Rossiyskie diskursy o migratsii [Russian Discourses on Migration]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Russian Public Opinion Herald], 1, 48–57.
13. Nesterova, Ya. A., Burova, E. A. (2016). K voprosu ob osobennostyakh upotrebleniya metafor v migratsionnom diskurse Germanii, Avstrii, Anglii i Ameriki [On the issue of the peculiarities of using metaphors in migration discourse of Germany, Austria, England, and America]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia], 5 (6), 565–570.
14. Ozhegov, S. I. (2015). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of Russian]. 4th ed. with additions. Ed. by N. Yu. Shvedovoy. Moscow: ITI TekhnologiiPress.
15. Sorokin, P. (2005). *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Minsk : Academia ; LVS Press.
16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. (2018). [Federal State Statistics Service]. Retrieved December 15, 2018 from <<https://gks.ru>>.
17. Khokhlova, I. V. (2014). Metafory v migratsionnom diskurse Germanii (na primere soobshcheniy o bezhentsakh v period "Arabskoy vesny") [Metaphors in the migration discourse of Germany (Demonstrated on press reports about refugees at the time of «Arab spring»)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 20 (1), 185 –188.
18. Tsentral'noe gosudarstvennoe informatsionnoe agentstvo Rossii ITAR-TASS. (2018). [Russian News Agency TASS]. Retrived December 1, 2018 from <<https://tass.ru/>>.
19. Yafarova, G. Kh. (2016). Novye obstoyatel'stva kak faktor stanovleniya evfemizmov v yazyke politiki (na primere sovremennogo migratsionnogo diskursa nemetskogo yazyka) [New circumstances as a factor of the development of new euphemisms in the language of politics (The case study of migration discourse of the German language)]. *Prepodavatel XXI vek* [A Teacher of 21st Century], 2, 368–375.

20. van Dijk, T. A. (2018). Discourse and migration. In R. Zapata-Barrero, E. Yalaz (eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Switzerland : Springer Cham.
21. Erfurt, J., Budach, G., Hofmann, S. (2003). *Mehrsprachigkeit und Migration: Ressourcen sozialer Identifikation*. Switzerland : Peter Lang.
22. Extra, G., Verhoeven, L. (2011). *Bilingualism and Migration*. Berlin : Walter de Gruyter.
23. Geraghty, B., Conacher, J. (2014). *Intercultural Contact, Language Learning and Migration*. London : Bloomsbury Publishing.
24. Gugenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien*. Austria : Austria : Forschung und Wissenschaft-Literatur-und Sprachwissenschaft.
25. Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill (eds.), *Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society*, 2nd edn. (Vol 3, pp. 2271–2285). Berlin : De Gruyter.
26. Krefeld, Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.
27. Laponce, J. (1992). Language and Politics. In M. Hawkesworth, M. Kogan, *Encyclopedia of Government and Politics* (pp. 586–602). London : Routledge.
28. Lipset, S. (2018). *Social Mobility in Industrial Society*. London : Routledge.
29. Stehl, T. (2011). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Austria : Universitätsverlag Potsdam.
30. Triandafyllidou, A. (2018). *Handbook of migration and globalization*. USA : Edward Elgar Publishing.
31. Tretow, L. (2017). *Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas*. Munchen : GRIN Verlag.